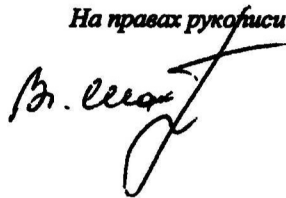

0- 779354

На правах рукописи

Шахназаров Владимир Георгиевич

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И М.Н. КАТКОВА**

**Специальность 09.00.13 – религиоведение,
философская антропология, философия культуры**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук**

Н. Новгород, 2009

Диссертация выполнена на кафедре философии и теологии
Нижегородского государственного педагогического университета

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор
Парилов О.В.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
А.А. Терентьев;
кандидат философских наук, доцент
М.В. Федорова.

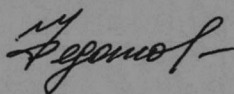
Ведущая организация – Нижегородский государственный архитектурно-
строительный университет

Защита состоится 12 ноября 2009 г. в 15 час. 30 мин. на заседании диссертаци-
онного совета по философским наукам Д 212.164.03 в ГОУ ВПО «Нижегород-
ский государственный педагогический университет» по адресу:
603950 г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО
«Нижегородский государственный педагогический университет»

Автореферат разослан __ октября 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

И.А. Федотова

1. Общая характеристика работы

Актуальность исследования. В современном глобализирующемся мире положение человека весьма далеко от благополучия. Постулируемый «триумф Запада, западной идеи»¹ с неизбежностью породил трудноразрешимые противоречия во взглядах на человека. С одной стороны, на волне торжествующего либерализма, личность провозглашена высшей ценностью, абсолютизируется ее свобода – свобода полная: от «сковывающих» его внешних связей, прежних ограничений. Человеку предоставлено право самому определять критерии собственного бытия. По верному утверждению Э. Фромма, процесс обособления человека от первоначальных связей «достиг своей наивысшей точки только сейчас»². Но именно эта прогрессирующая индивидуализация человека с неизбежностью влечет его «изоляция, неуверенность; а, следовательно, становится все более сомнительным место человека в мире и смысл его жизни... растет и чувство бессилия, и ничтожности отдельного человека»³. Кроме того, стремление исключительно к внешнему освобождению человека от «старых форм власти и принуждения» в итоге приводит к иному, более жестокому тоталитаризму – внутреннему (например, бессознательное «подстраивание» себя под общественное мнение, «здравый смысл»). Верно в этой вязи пишет Э. Фромм: «Мы зачарованы ростом свободы от сил, внешних по отношению к нам, и, как слепые, не видим тех внутренних препон, принуждений и страхов, которые готовы лишить всякого смысла все победы, одержанные свободой над традиционными ее врагами»⁴. Как следствие, для современного индивида характерно «паническое бегство от свободы в новые узы или по меньшей мере к позиции полного безразличия»⁵.

Таким образом, при внешней декларации величия человека, иллюзии полной свободы, бытие его в современном мире чрезвычайно зыбко. Налицо очевидные симптомы его слабости и неблагополучия. Не случайно для Ф. Фукуямы торжество западной идеи, безальтернативность западного либерализма означает ни что иное как «печальный» конец истории, и первый, важнейший симптом его – деградация человека, низведение его до уровня банального потребителя: «Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы... и удовлетворение изощренных запросов потребителя»⁶. Не случайно именно в наши дни заговорили о завершающей фазе деградации человека – о «смерти» его как «субъекта» истории, как об атавизме, отживающем рудименте: «Мир приобрел постчеловеческое измерение. В этом глубинная причина... гуманизма... Человек существует, действует, однако не как автор, а как фактор («человеческий фактор») системы. Более мощной, чем человеческое общество.

¹ Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек // Геополитика: антология. – М., 2006. – С. 568.

² Фромм, Э. Бегство от свободы. – М., 1990. – С. 40.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Фромм, Э. Бегство от свободы. – М., 1990. – С. 40.

⁶ Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек // Геополитика: антология. – М., 2006. – С. 627.

Постчеловеческий мир!.. История продолжается, но человек перестает быть ее субъектом»⁷.

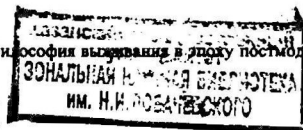
В связи со сказанным, антропологические построения русских консерваторов-охранителей 2-й половины XIX века именно сегодня приобретают особую актуальность. В трудах К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова мы обнаруживаем разрешение обозначенного выше противоречия, характерного для современного либерального прочтения человека. Личность у охранителей не менее возвышенна и самоценна, ибо рассматривается в христианском ключе как образ и подобие Бога, но в отличие от современных либералов, они утверждают личность не изолированную, а потому слабую и незащищенную, а укорененную в бытие, сильную своими социальными связями: с семьей, государством, Родиной, Церковью, в духовном единении с народом. Исследуемые авторы красноречиво свидетельствуют, что самоизолируясь, отторгая себя от окружающего мира, человек не только создает угрозу социуму, но и автоматически задает импульс к саморазрушению.

В целом, консерватизм, обладая большим духовно-нравственным потенциалом, по своей сути, глубоко антропологичен, поскольку обращен к незыблемым метафизическим началам бытия (в том числе, и к глубинным основам человеческого духа). Творчество русских консерваторов-охранителей до сих пор мало исследовано, долгие годы они пребывали в забвении, в силу сложившихся еще при их жизни и бытующих по сей день ложных стереотипов («мракобесы», «ретрограды»). Между тем, их сочинения ценны, прежде всего, тем, что рассматривают, пожалуй, самые важные две философские проблемы – «духовный мир человека» и «бытие человека в мире».

Вопросы, которые поднимают и по-своему оригинально решают К. Победоносцев и М. Катков, относятся к разряду вечных, имеют смысложизненное значение, обращены к внутреннему миру личности, а потому никогда не утрачат актуальности, будут всегда значимы: происхождение человека, его сущность и природа; субстанциальные духовные основы человеческого бытия (вера, разум, убеждения); отношение человека к власти, собственности, прогрессу, смерти; духовные основы и природа творчества; пути обретения счастья. Одна из центральных тем, поднимаемых авторами, – тема свободы. Именно консерваторы-охранители убедительно продемонстрировали, что внешнее освобождение человека бессмысленно без воспитания внутренней свободы и ответственности, без личностного духовного роста. В данном контексте К. Победоносцев предстает как тонкий глубокий знаток человеческой души. Его метафизика личности смела и оригинальна, пронизательна и пророческа.

Не менее ценны и актуальны антропологические построения К. Победоносцева и М. Каткова, рассматривающие личность в контексте ее социальных связей. Они ставят и решают такие проблемы, как роль Церкви в жизни индивида, человек в системе государственной власти, в системе права, в системе образования. В этом смысле в их сочинениях можно найти ответы на многие совре-

⁷ Кутырев, В.А. Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодернизма). – М: "ЧеРо", 1999. – С. 64.

менные вопросы. Каковы истинные критерии политического лидерства? Каково соотношение гражданских свобод и гражданских обязанностей у человека, а, следовательно, как выстраивать правовую систему общества? Какими путями образовательная система должна реализовать свою главную задачу – формирование целостной нравственной, всесторонне развитой личности? И другие.

Значима и злободневна «практическая» антропология исследуемых авторов. В данном контексте особенно ярко проявился М. Катков. Еще во 2-й половине XIX века он обнаружил тревожную тенденцию, особенно актуализировавшуюся в наши дни, – приход на смену человеку, живущему реальной жизнью, человека, симулирующего жизнь, «играющего». В этой ситуации и сегодня бывает непросто отличить подлинного представителя власти, движимого идеей общественного блага, от имитанта, политического приспособленца, стремление во власть которого обусловлено внутренней страстью или целью наживы; истинного консерватора, либерала, представителя народа от их мимикрирующих антиподов. Выработанные авторами собирательные философские портреты ценны своими антропологическими особенностями.

Особенно значим созданный М. Катковым собирательный портрет русского революционера-нигилиста, вскрытые им источники и природа нигилизма. Суждение автора о вневременном характере данного явления оказалось пророческим, ибо и на протяжении XX столетия, и в наши дни в той или иной модификации этот негативный феномен присутствует. Большая заслуга М. Каткова в том, что он продемонстрировал антропологическую природу нигилизма и указал средства его преодоления.

Степень научной разработанности темы.

В целом творческое наследие К. Победоносцева и М. Каткова у их современников и у более поздних критиков вызывало и до сих пор вызывает неоднозначную оценку. На рубеже XIX – XX веков о К. Победоносцеве писали преимущественно негативно, так как критикой его творчества и политической деятельности занимались преимущественно политические оппоненты. Здесь следует отметить тенденциозные сочинения А. Амфитеатрова, Е. Аничкова, Г. Петрова, В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, Г. Чулкова. К умеренно критическим относятся работы Н. Бердяева и В. Розанова⁸. Вместе с тем можно отметить удачные попытки объективного анализа: работы Н. Антонова, Б. Глинского, Б. Никольского, Н. Никольского, С. Ольденбурга, Е. Феохтистова⁹.

В исследованиях творчества К. Победоносцева в советский период также прослеживается определенная тенденциозность. Это обусловлено политической ангажированностью критиков, в силу отрицательного, в целом, отношения к

⁸ См.: К.П. Победоносцев: Pro et contra. Антология. – СПб., 1996; Петров, Г. свящ. Страшный нигилист // Русское слово. – 1904. – 2 (15) ноября. – С. 1; Соловьев, В.С., Трубецкой, С.Н. Эпиграмма на К.П. Победоносцева // Голос минувшего. – 1918. – № 4 – 6. – С. 48; Чулков, Г. Императоры. Психологические портреты. – М., 1995; Бердяев, Н.А. Нигилизм на религиозной почве. – СПб., 1910; Розанов, В.В. Скептический ум // Около церковных стен. – СПб., 1906. – Т. 1.

⁹ См.: К.П. Победоносцев: Pro et contra. Антология. – СПб., 1996; Антонов, Н.Р. Религиозно-философское мирозерцание К.П. Победоносцева // Миссионерское обозрение. – 1907. – № 4; Никольский, Н. К.П. Победоносцев // Церковный вестник. – 1907. – № 12; Ольденбург, С.С. Царствование Императора Николая II: в 2 т. – М., 1991. – Т. 1.

консерватизму. Особенным негативизмом отличались взгляды на консерватизм до середины 30-х годов. Авторы не стеснялись в выражениях, клеймя «русский фашизм», «звериный национализм», «изуверскую церковность» К. Победоносцева и его единомышленников (показательны в этом плане сочинения С. Любоша¹⁰). Н. Фирсов усмотрел во взглядах и деятельности К. Победоносцева исключительно корыстные цели¹¹.

Однако, в этой массе тенденциозной литературы встречаются и сочинения с содержательным анализом творчества мыслителя, например вступительная статья М. Покровского к изданным в 20-е годы письмам К. Победоносцева; работа Н. Троицкого, содержательная, но несколько идеологизированная; труды Ю. Готье, П. Зайончковского, Ю. Соловьева, Т. Твардовской¹². В целом же, в советской критической литературе за К. Победоносцевым было «закреплено» клеймо «обскуранта»¹³.

Если с середины 30-х до 60-х годов XX в. интерес к К. Победоносцеву и в целом к отечественному консерватизму падает, то у представителей русского зарубежья и западных авторов, напротив, растет. Примечательна в данном контексте книга американского историка Э. Тадена, в которой он стремился объективно отразить позицию русских консерваторов, в том числе и К. Победоносцева¹⁴; а также американского автора Р. Бирнса, посвятившего исследованию К. Победоносцева большую часть своей творческой жизни¹⁵. В фундаментальной монографии автор, на основе исследования архивных материалов, воссоздает взгляды К. Победоносцева, его внутренний мир. Одобря нравственные установки своего героя, как яркий представитель западной науки, Бирнс критикует его отношение к демократии и парламентаризму.

Из числа работ представителей русского зарубежья можно отметить работы А.А. Кизиветтера и в особенности Г. Флоровского, который в известном труде «Пути русского богословия» проводит, хотя и критический, но достаточно глубокий и объективный анализ взглядов К. Победоносцева¹⁶.

В постсоветский период после определенной реабилитации консерватизма интерес к нему значительно возрос. Появилось большое число работ, посвященных различным сторонам деятельности и творчества К. Победоносцева. Вышли в свет серьезные глубокие монографии, отражающие политико-правовые взгляды К. Победоносцева, например, работы В. Гусева, А. Карцова,

¹⁰ См.: Любош, С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. – Л., 1925; Любош, С.Б. Последние Романовы. – М., 1924.

¹¹ См.: Фирсов, Н.Н. Победоносцев. Опыт характеристики по письмам. – М., 1924.

¹² См.: Письма и записки Победоносцева. – Пг., 1923-1925; Письма К.П. Победоносцева к Александру III. – М., 1925; Победоносцев и его корреспонденты. – М., 1926; Троицкий, Н.А. Царизм под прогрессивным судом общественности 1868-1895 гг. – М., 1979; Готье, Ю.В. Победоносцев и наследник Александр Александрович. – М., 1928; Зайончковский, П.А. Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. – 1966. – № 8; Соловьев, Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. – Л., 1973; Твардовская, Т.А. Идеология пореформенного самодержавия. – М., 1978.

¹³ См.: об этом: Репников, А. Консервативные концепции переустройства России. – М.: АCADEMIA, 2007. – С. 28.

¹⁴ См.: Thaden, E. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. – Washington, 1964.

¹⁵ Burnes, R. Pobedonostsev. His Life and Thought. – Bloomington: Indiana Univ. press, L., 1968.

¹⁶ Кизиветтер, А.А. Победоносцев // На чужой стороне. – 1924. – № 6; Флоровский, Г.В. Пути русского богословия. – Вильно, 1991.

Е. Тимошиной¹⁷. Исследованию внутреннего мира К. Победоносцева посвящены работы А. Полунова; его деятельности по организации системы образования – работа Б. Тебиева¹⁸. Из современных исследователей творчества К. Победоносцева следует также отметить труды А. Боханова, А. Ланщикова, А. Пешкова¹⁹. Порой кардинально меняется тон работ. Если в советский период доминировало очернительство, то в настоящее время оценка жизни и творчества К. Победоносцева отличается ярко выраженной поляризацией: апологетика а, зачастую, неоправданная идеализация К. Победоносцева (труды Е. Бирюкова, В. Жилкина, В. Меркулова²⁰) соседствует с крайне тенденциозной критикой (сочинения С. Либровича, О. Майоровой²¹).

Оценка жизни и творчества М.Н. Каткова претерпела сходную эволюцию. Современники автора и критики начала XX века неоднозначно воспринимали и его мировоззренческие установки, и его практическую деятельность. Представители либерального лагеря, в основном, оценивали его негативно, ставя ему в упрек беспринципность, карьеризм (К. Арсенов, М. Лемке, Р. Сементковский, Р. Щегловитов²²). Противоположное мнение о М. Каткове высказывали Н. Любимов, А. Корнилов²³, которые опровергали суждение о нем как о ренегате, пытались непредвзято оценить его взгляды. В целом, для данного периода характерна достаточно широкая полемика вокруг М. Каткова (К. Бороздин, С. Неведенский, Д. Иловайский, Н. Мещерский, В. Китаев²⁴).

В советское время, разумеется, доминировали критические отзывы о М. Каткове, основывавшиеся на общей критике консерватизма и на негативных отзывах об авторе революционных демократов. В 20-е годы были опубликованы

¹⁷ Гусев, В.А. К.П. Победоносцев – русский консерватор-государственник; Карцов, А.С. Правовая идеология русского консерватизма. – М., 1999; Карцов, А.С. Идеология правого парламентаризма в России на рубеже веков // Образы власти в политической культуре России. – М., 2000; Тимошина, Е.В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. – СПб., 2000.

¹⁸ Полунов, А.Ю. Политическая индивидуальность Победоносцева // Вестник МГУ. – 1991. – № 2; Полунов, А.Ю. Рыцарь несвободы // Родина. – 1995. – № 1.

¹⁹ Боханов, А.Н. Император Александр III. – М., 1998; Ланщиков, А.П. Великая лож нашего времени. – М., 1993; Пешков, А.М. «Кто разорвет, мал во Царствии Христовом...» // Победоносцев К.П. Сочинения. – М., 1996.

²⁰ Бирюков, Е. К.П. Победоносцев – государственный деятель и юрист // Законность. – 1994. – № 2; Жилкин, В.С. Верный сын России // Русский Дом. – 2002. – № 3; Меркулов, В.И. К.П. Победоносцев: «реакционер» и консерватор // Русский Дом. – 2007. – № 3.

²¹ Либрович, С.Ф. Злой гений России: об Обер-Прокуроре Священного Синода К. Победоносцеве // Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. – М., 2005; Майорова, О. «Кощей православия» в отзывах потомков // Новый мир. – 1997. – № 3.

²² Арсеньев, К.К. За четверть века. – П., 1915; Лемке, М.К. Эпоха цензурных реформ, 1859-1865. – СПб., 1904; Сементковский, Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк Р.И. Сементковского. – СПб., 1892; Щегловитов, С.Г. Катков и его время. – СПб., 1888.

²³ Любимов, Н.А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. – СПб., 1889; М.Н. Катков как редактор «Московских ведомостей» и возобновитель «Русского вестника» (Письма его к Никитенко) // Русская старина. – 1897. – № 12; Корнилов, А.А. Общественное движение при Александре II. – М., 1909; он же. Катков // История русской литературы XIX столетия. – М., 1910. – Т. 5.

²⁴ Бороздин, К. Памяти М.Н. Каткова // Новое время. – 1887. – 27 июля; Неведенский, С. Катков и его время. – СПб., 1888; Иловайский, Д.М. М.Н. Катков. Историческая поминка // Русский архив. – 1897. – № 1; Мещерский, Н.П. Воспоминания о М.Н. Каткове // Русский вестник. – 1897. – № 8; Из Записной Книжки «Русского архива»: М.Н. Катков // Русский Архив. – 1912. – № 3; Китаев, В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. – М., 1972.

работы В. Кирпотина, А. Преснякова²⁵. До 70-х годов в данной проблематике наблюдается некоторое затишье, а после интерес к личности и деятельности М. Каткова резко возрастает в связи с выделением «охранительной мысли» в самостоятельную научную тему. Показательной в этом плане является работа В. Кантора²⁶, в целом критическая, тенденциозная, рисующая М. Каткова честолюбцем, не верящим в творческие инициативы народа. В этот же период ярким явлением стали монографии советских историков, посвященные исследованию российского самодержавия последней трети XIX века, хотя и в них М. Катков оценивается отрицательно – как идейный вдохновитель реакции: труды П. Зайончковского, Ю. Соловьева, В. Твардовской²⁷.

Наиболее яркие зарубежные работы о М. Каткове приходятся на 60-е годы XX века. Здесь показательна книга Э. Тадена²⁸, попытка трезвого анализа М. Каткова, как выразителя национальных идеалов.

В 90-е годы количество публикаций о М. Каткове еще более возросло, и суждения о нем носят столь же полярный характер, как и о К. Победоносцеве. Часть работ носит очернительский характер: статьи А. Цирульниковца, Е. Калмановского²⁹. Другие авторы сосредоточены на восхвалении М. Каткова: Ю. Климаков³⁰. Есть и более трезвые сочинения, преодолевающие указанные крайности, рассматривающие различные аспекты мировоззрения и практической деятельности М. Каткова. Биографические исследования принадлежат Г. Измestьевой, Г. Макаровой; социально-политические взгляды автора рассматривают А. Брутян, В. Китаев, А. Попов, С. Санькова; вклад М. Каткова в отечественную журналистику изучает Н. Якутин; его педагогическим воззрениям посвящена работа В. Бугаевой; историософские взгляды рассматривает И. Тяпин³¹.

Вместе с тем, следует согласиться с И. Тяпиным, что до сих пор работ по философскому осмыслению идей М. Каткова немного: «Приходится признать, что Катков как философ пока практически не изучен... за его рассуждениями по конкретным общественно-политическим вопросам давно пора увидеть фи-

²⁵ *Кирпотин, В.Я.* Катков накануне Польского восстания // Звезда. – 1927. – № 7; *Пресняков, А.Е.* Воспоминания Е.М. Феоктистова и их значение // Воспоминания Е.М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. – Л., 1929.

²⁶ *Кантор, В.К.* М.Н. Катков и крушение эстетики либерализма // Вопросы литературы. – 1973. – № 5.

²⁷ *Зайончковский, П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. – М., 1970; *Соловьев, Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. – Л., 1973; *Твардовская, Т.А.* Идеология пореформенного самодержавия. – М., 1978.

²⁸ *Thaden, E.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. – Washington, 1964.

²⁹ *Цирульников, А.* Столпы реакции // Звание – сила. – 1995. – № 4; *Калмановский, Е.* Победенный победитель // Новая Россия. – 1995. – № 3.

³⁰ *Климаков, Ю.В.* Предисловие к: Катков М.Н. Идеология охранительства. – М., 2009.

³¹ *Попов, А.А.* М.Н. Катков: к вопросу о его социально-политических взглядах // Вестник МГУ. 1992. Сер. 12. Социально-политические науки – № 9; *Макарова, Г.Н.* Охранитель: жизнь и исторические заслуги Михаила Каткова. Приговоренный к забвению // Славянин. – СПб. – 1996. – № 1; *Китаев, В.А.* К характеристике политической программы М.Н. Каткова в первой половине 60-х годов XIX в. // История России: на перекрестке мнений: Материалы I межвузовских исторических чтений. – Волгоград, 1997; *Брутян, А.Л.* М.Н. Катков: социально-политические взгляды. – М., 2001; *Измestьева, Г.П.* Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. – 2004. – № 4; *Санькова, С.М.* Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историкографический аспект: монография. – СПб., 2007; *Якутин, Н.* Пугало или пророк? // Журналист. – 2003. – № 1; *Бугаева, В.Н.* Михаил Никифорович Катков // Педагогика. – 2006. – № 10; *Тяпин, И.Н.* Михаил Никифорович Катков и его философия истории // Социально гуманитарные знания. – 2005. – № 2.

лософскую основу»³². Полагаем, данное утверждение в равной мере можно отнести и к К. Победоносцеву.

Цель и задачи исследования.

Целью работы является исследование философско-антропологических воззрений К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, как ярких представителей русской охранительно-консервативной мысли 2-й половины XIX века. Данная цель предполагает решение следующих задач:

- Выявить специфику отечественного консервативного мировосприятия, а также особенности русского охранительного консерватизма;
- Прояснить общие мировоззренческие установки К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, в контексте событий социальной жизни и духовной атмосферы в России 2-й половины XIX века;
- Исследовать философско-антропологические воззрения К.П. Победоносцева: его взгляды на внутренние проблемы личности, а также его трактовку личности в социальном измерении;
- Рассмотреть антропологические установки М.Н. Каткова;
- Выявить типологические особенности философско-антропологических воззрений К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова (черты сходства и различия).

Объект исследования – творчество видных представителей отечественной охранительно-консервативной мысли 2-й половины XIX века К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова.

Предмет исследования – философско-антропологические построения К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова.

Теоретическая и методологическая база исследования. Теоретической основой исследования является цивилизационный подход к истории, утверждение диалектических связей, как объективных условий развития личности. Методологическую базу работы составила совокупность следующих методов: сравнительно-исторического, единства исторического и логического, анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, индукции, аналогии.

Источниковую базу работы составили: труды классиков отечественной и мировой философии, современные исследования по русскому консерватизму, оригинальные труды К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, разнообразная критическая литература, посвященная данным авторам.

Новизна диссертационного исследования.

Предпринята одна из первых попыток философского анализа антропологических воззрений ключевых фигур отечественной охранительно-консервативной мысли 2-й половины XIX века К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова.

В исследовании представлено собственное видение специфики отечественного консерватизма и его охранительного варианта.

Определены общие мировоззренческие установки К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, в контексте социально-духовного развития России во 2-й поло-

³² *Тягин, И.Н.* Михаил Никифорович Катков и его философия истории // Социально гуманитарные знания. – 2005. – № 2. – С. 263.

вине XIX века.

Рассмотрены взгляды К.П. Победоносцева на индивидуальные проблемы личности и его понимание личности в контексте социальных связей, обобщены положительные и отрицательные стороны его антропологии.

Исследованы специфические антропологические воззрения М.Н. Каткова. Впервые предпринят компаративный анализ творчества К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, выявлены типологические особенности их философско-антропологических построений (черты сходства и различия).

Положения, выносимые на защиту.

1. Консервативному созерцанию в целом присущи органический взгляд на социум, опора на национальную духовную традицию, ориентация преимущественно на соборные, народные начала, государственность, неприятие отвлеченных формул в устройении эмпирического бытия, приоритет внутренней духовной свободы перед внешне-юридической ее трактовкой. Специфические особенности отечественного консерватизма – трактовка православной религиозности, церковности в качестве доминирующей духовной основы; утверждение незыблемости самодержавной власти; стремление к сохранению общественной иерархии, традиционно сложившегося сословного строя; скептическое отношение к научно-техническому прогрессу; критика либерализма, антизападнический пафос; патриотизм.

2. В отличие от позитивного консерватизма, отстаивающего идею поступательного развития в опоре на традицию, выступающего за компромисс между нарождающимся новым и традиционным; охранительный вариант консерватизма трактует традицию как нечто застывшее, принципиально отказывается от приобретения нового. Охранительный консерватизм, с одной стороны, детерминирует стагнацию социального организма, провоцирует взрыв революционности, как ответного действия на застой, но с другой стороны, выступает существенным противовесом необдуманным революционным ломкам, некритичному восприятию чуждого, неорганичного национальной стихии духовного и материального опыта.

3. Доказано, что К. Победоносцев проявился как реакционер лишь в подходе к социальному развитию. В плане его антропологических установок он рекомендовал себя как новатор, требующий радикального духовного обновления личности. Термины «охранитель», «реакционер» еще менее применимы к М. Каткову, выступавшему за органическое развитие социальных институтов, за восприятие передового европейского опыта в науке и образовании. Его охранительство проявилось исключительно в утверждении незыблемости абсолютной монархии, в пресечении негативных социальных тенденций, необдуманных реформ, разрушающих духовные основы и многовековой уклад российского общества.

4. К. Победоносцев поднимает вечные сущностные антропологические проблемы, которые можно классифицировать по двум основаниям.

Индивидуальные проблемы: сущность, природа и происхождение человека; духовные основы личности (вера и разум, идеалы, убеждения); свобода че-

ловека, пути обретения счастья; отношение к собственности, отношение к смерти;

Личность в социальном измерении: укорененность человека в национальную традицию; личность в единстве с государственным и церковным организациями; правовые взаимоотношения людей.

5. В антропологических построениях К. Победоносцева очевидна двойственность природы человека: темную сторону личности, представленную укорененными вследствие первородного греха пороками и страстями, компенсирует светлая сторона, проявленная органично присущей человеку религиозной верой.

6. Отрицательная сторона антропологии К. Победоносцева заключается в том, что он, абсолютизируя веру, отрицал разумное начало, вообще не склонен был придавать разуму статус духовного проявления. В этом его радикальное отличие от М. Каткова, который, напротив, признавал за разумом ключевое значение в личностном развитии. Вместе с тем, и иррационалиста антисциентиста К. Победоносцева, и апологета разума М. Каткова роднит онтологизм в подходе к личности (неприятие отвлеченных рассудочных формул в качестве руководящих начал жизни человека).

7. Указанное выше различие мировоззренческих позиций авторов детерминировало различные подходы к пониманию целостной развитой личности (а отсюда и разные взгляды на роль системы образования). К. Победоносцев придавал ключевое значение таким личностным чертам, как религиозность, нравственность, патриотизм, почитание родителей, волевое начало; в его педагогических воззрениях религиозно-этический идеализм причудливо сочетается с прагматизмом. М. Катков делал акцент на интеллектуальном развитии личности, а задачу школы видел, прежде всего, в подготовке человека для «серьезной умственной деятельности».

8. Как государственники-охранители, К. Победоносцев и М. Катков придавали ключевое значение государственной власти в жизни человека, утверждали субстанциальную потребность личности во власти, ее «искание» считали квинтэссенцией общественного инстинкта индивида.

9. В связи со сказанным, обнаруживаются сходные противоречия в их трактовках свободы. С одной стороны, они постулируют постоянную духовную работу личности, с целью воспитания в себе внутренней свободы и ответственности; с другой стороны, подразделяя людей на лидеров и представителей массы, склонны принижать способность последних к ответственной личной инициативе, выступают сторонниками государственного принуждения, проповедуют мудрое водительство власти своими подданными для их блага, в общественной жизни человека на первое место ставят не его личный выбор, а долг государственного служения.

10. По сравнению с К. Победоносцевым, М. Катков демонстрирует более «приземленную», праксеологическую антропологию, выступает, главным образом, как создатель типических образов. Его собирательные философские портреты контрастны: истинные выразители того или иного направления (кон-

серватизма, либерализма и т.д.) противопоставляются ложным; критерий разграничения – наличие либо отсутствие убеждений.

11. Наиболее яркий и многогранный типичский портрет, созданный М. Катковым, – портрет русского революционера-нигилиста. Исследование М. Катковым природы и сущности нигилизма является чрезвычайно значимым и актуальным, поскольку рецидивы нигилизма в той или иной модификации прослеживаются и на протяжении XX века, и в наши дни. Наряду с социальными предпосылками (деградация власти), нигилизм обнаруживает и ярко выраженную антропологическую природу: духовное измельчание, увлечение чуждыми неорганическими идеями, деонтологизация бытия (оторванность индивида от реального жизненного процесса). Актуально указанное М. Катковым средство преодоления данного негативного феномена – усиление положительных начал индивидуальной и социальной жизни.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Результаты работы будут способствовать дальнейшему изучению духовного наследия русских консервативных мыслителей. Исследование послужит определенным вкладом в развитие отечественной философско-антропологической мысли; в целом, работа расширяет знания об отечественной философии Нового времени.

Транслируемые в данном исследовании взгляды отечественных консерваторов-охранителей как никогда актуальны сегодня, поскольку утверждают высокую ценность личности, ее крепость, обеспеченную социальными связями с семьей, государством, Родиной, Церковью, следовательно, служат значимым противовесом активно распространяемым в настоящее время идеям индивидуализма, эгоизма, унижению личности, низведением ее до уровня тривиального потребителя. Многие идеи, высказанные К.П. Победоносцевым и М.Н. Катковым, именно сегодня особенно злободневны: о сущности политического лидерства, об оптимальных путях построения системы образования, о средствах преодоления индивидуального и социального нигилизма. Таким образом, данные идеи имеют большую практическую значимость.

Материалы работы можно использовать при чтении курса истории русской философии.

Апробация работы.

Основные положения диссертации получили освещение на российских и международных научно-философских конференциях: «Антропологический потенциал культурогенеза»: Межрегиональная научно-практическая конференция (Н. Новгород, 2007); «Будущее религии в России»: Международная научная конференция (Н. Новгород, 2008); «XVIII Рождественские православно-философские чтения» (Н. Новгород, 2009); «Актуальные проблемы философии права и государства»: Научный семинар памяти профессора В.К. Бабаева (Н. Новгород, 2009); «Экзистенциальные проблемы личности в современный период»: Вузовская конференция (Ижевск, 2009).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав (в главе 1 – два параграфа, в главе 2 – три параграфа), Заключения и Списка литературы.

II. Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель, задачи, теоретическая и методологическая база исследования; оценивается его новизна, теоретическая и практическая значимость; дается общий обзор источников, приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Сущность охранительного консерватизма; общие мировоззренческие установки К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, как представителей отечественной охранительно-консервативной мысли» исполняет роль теоретического фундамента исследования. Первый параграф «Специфические особенности отечественного охранительного консерватизма» раскрывает общие черты консервативного миросозерцания, характерные черты русского консерватизма, а также специфические особенности охранительного варианта консерватизма. Консервативному созерцанию присущи такие общие черты, как органический взгляд на социум, опора на национальную духовную традицию, ориентация преимущественно на соборные, народные начала, государственность, антирационализм (неприятие отвлеченных рассудочных формул в устроении эмпирического бытия), приоритет внутренней духовной свободы перед внешне-юридической ее трактовкой.

Одна из ключевых проблем консервативного мировоззрения – сочетание устойчивости (ориентация на сохранение фундаментальных духовных основ) и изменчивости (настроенность на позитивное развитие социума). В зависимости от решения данной коллизии консерватизм подразделяется на два магистральных направления: собственно консерватизм, отстаивающий идею поступательного развития в опоре на традицию, выступающий за компромисс между нарождающимся новым и традиционным старым; и охранительный вариант консерватизма, понимающий традицию как нечто застывшее, принципиально отказывающийся от приобретения нового.

Охранительный консерватизм внеисторичен, обрекает социальный организм на стагнацию, провоцирует взрыв революционности, как ответного действия на застой. Однако наряду с негативными, он обладает и положительными признаками: выступает существенным противовесом необдуманному революционным ломкам, некритичному восприятию чуждого, неорганичного национальной стихии духовного и материального опыта.

На российской почве консервативное миросозерцание обретает свои специфические особенности: трактовка православной религиозности, церковности в качестве доминирующей духовной основы; утверждение монархической государственности, незыблемости самодержавной власти; стремление к сохранению общественной иерархии, традиционно сложившегося сословного строя; скептическое отношение к научно-техническому прогрессу; критика либерализма, антизападнический пафос; патриотизм.

Охранительный консерватизм активизируется в переломные эпохи крушения устоявшегося миропорядка (примером такой эпохи является 2-я половина

ХІХ века). Реакция – это защитный механизм, стремление любой ценой уберечь Россию от необратимого разрушения. Как следствие, черты, присущие консерватизму в целом, в охранительном его варианте приобретают гипертрофированные формы. У русских охранителей это проявилось в абсолютизации православной духовности, церковности, трактовке православия как единственной жизненной основы индивида и социума; утверждении ничем и никем не ограничиваемой самодержавной власти, ее сакрализации. В охранительном консерватизме особенно активизируется критика линейного прогрессизма, отношение к научно-техническому прогрессу у охранителей – крайне скептическое. Именно они утверждали, что технические достижения не способны восполнить ущерб, наносимый природе и человеческой душе. Чем реакционнее консерваторы, тем радикальнее они отвергают либерализм, нигилизм, социал-демократизм, а также их носителя и проводника – западную цивилизацию. В целом Запад воспринимается охранителями как агрессивная сила, разрушающая исконные православные устои.

Охранительному консерватизму конца ХІХ в. присуща такая черта, как исторический пессимизм, мрачная апокалиптика, эсхатологизм. Крушение устоявшегося миропорядка воспринималось охранителями не только как гибель России, но и как конец истории в целом.

Второй параграф «Мировоззрение К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова в контексте социально-политической, духовной ситуации в России во 2-й половине ХІХ века» раскрывает формирование общих мировоззренческих установок К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова в связи с ситуацией, сложившейся в пореформенной России. Пореформенную Россию характеризует болезненный переход от феодально-общинной к буржуазно-капиталистической фазе развития, сопровождаемый нарастающим террором, жестким противостоянием консервативно-монархической идеологии имеющим западные корни либеральной и революционно-демократической идеологиям.

В активно распространяющемся в России либерализме консерваторы усмотрели деструктивные потенции насильственного разрушения исконных духовных начал, религиозных скреп; утверждения пошлых буржуазных идеалов, духа утилитаризма. Не меньшую угрозу государственному организму, по их убеждению, несла и революционная социалистическая идеология, активно распространяемая радикальной интеллигенцией. Существенные черты данной идеологии – страсть к разрушению, мнимая любовь к отвлеченной идее всечеловеческого счастья и дух ненависти к «врагам народа», крайний антропоцентризм. Восприняв поверхностно возрожденческий, языческий по сути, подход к человеку, обожествив его, революционная интеллигенция целиком сосредоточилась на радикальном переустройстве исключительно внешней среды и в итоге пришла к нигилизму.

Усугублял духовную и социально-политическую ситуацию кризис Русской православной церкви. Безынициативность клира, порожденная длительным синодальным правлением, разобщение духовенства и мирян привели к падению церковного авторитета, нарастающему индифферентизму в вопросах веры.

Защита, укрепление авторитета Церкви, монархической государственности стали главным делом консерваторов-охранителей 2-й половины XIX века К. Победоносцева и М. Каткова. Практическая деятельность и творчество обоих мыслителей вызывали и до сих пор вызывают крайне противоречивые суждения; оба прошли путь от умеренного либерализма, реформаторства к охранительному консерватизму; оба сыграли значительную роль в политической жизни пореформенной России. Много сходных черт обнаруживается и в их мировоззренческих установках.

Фундаментом онтологии, гносеологии, историософии, этики, политических и правовых воззрений, а также антропологии К. Победоносцева явилось учение Православной церкви. Эмпирическое бытие он трактует с точки зрения христианского провиденциализма, хотя в утверждении Божественного всемогущества он порой фаталистичен. Первичной категорией в его философии выступает органическая жизнь, как духовно-материальное единство бытия. Будучи ярко выраженным антирационалистом, он утверждает примат жизни над философией, наукой, идею целостного познания, отрицает однозначную формализацию выстраданных жизнью идей, трактует истину преимущественно онтологически – не столько как отвлеченное знание, сколько как абсолютное основание жизни.

Религиозный онтологизм проявился и в его трактовке православия – оно актуально для него, прежде всего, как приобщение человека к церковной жизни. В русле отечественного консерватизма он утверждал идею симфонии Церкви и государства. Наиболее из всех консерваторов мыслитель сакрализировал власть, не допускал возможности формализации, адекватного вербального выражения ее сущности. Спасение от деструктивных социальных процессов он видел в укреплении ничем не ограничиваемого самодержавия.

Утверждая, подобно иным консерваторам, четкую сословную иерархию, самодержавную власть он видел в качестве гаранта незыблемости общественной иерархии, гармоничного сосуществования традиционных сословий: патриархального крестьянства, купечества, «коренного» дворянства.

Мыслитель резко критиковал идеи народовластия, парламентаризма, чреватых негативными тенденциями десакрализации монархической власти. Впрочем, острие его критики было направлено не столько против данных идей, сколько против их слепого копирования. Отрицая заимствуемые у Запада либерализм, парламентаризм, демократию, критикуя оторванную от национальных корней беспочвенную интеллигенцию, К. Победоносцев косвенно утверждал органический путь развития нации. Центром политической программы К. Победоносцева стала патриархально-отеческая опека государством и Церковью народной массы, в политическую и гражданскую состоятельность которой мыслитель не верил.

В целом, мировоззрение К. Победоносцева оформлялось на пике катастрофического социального перелома последней трети XIX в.; его принципиальное противодействие общественным изменениям лишь ускорило крушение самодержавной государственности. Однако как реакционер, К. Победоносцев проявился лишь в его отношении к социальным реформам. Что касается его подхо-

да к человеку, в требовании его духовного становления, перерождения, личного роста мыслитель предстает отнюдь не как охранитель, но как консерватор в позитивном смысле и даже как реформатор.

Уже в ранний период творчества (конец 30-х гг. XIX в.), в пору увлечения либерализмом, М.Н. Катков проявляется, между тем, как выразитель ключевых консервативных идей. Находясь под значительным влиянием Гегеля, творчески интерпретируя его триадический принцип самопознания Мирового Разума, он вырабатывает собственную концепцию генезиса народного духа. Признаки становления народа, по М. Каткову, – утверждение государственности, оформление национального самосознания, национальной идеи. В 50-е гг. данные консервативные по духу построения дополняются идеями органического развития нации, преодоления некритичного подражания Западу. В 60-е гг., будучи сторонником социальных преобразований, мыслитель идею прогресса соединял с необходимостью опоры на самобытные духовные начала.

Как и К. Победоносцев, М. Катков – ярко выраженный патриот-государственник, отстаивающий незыблемость монархии, сакрализирующий самодержавную власть. Оба мыслителя трактуют власть как необходимый атрибут социальной и индивидуальной жизни. В понимании М. Каткова неограниченная монархическая власть является основным регулятором общественной жизни. Утверждая, подобно иным консерваторам, жесткую иерархичность государства, он видел в самодержавии силу, интегрирующую различные сословия. Подобно К. Победоносцеву, М. Катков выступал с идеей симфонии Церкви и государства. О национальном начале М. Катков судит, прежде всего, как государственник: фундамент государства закладывается одним исторически выдвинувшимся племенем, объединившим другие племена. Вместе с тем, в политической концепции мыслителя есть слабое место: не прояснен вопрос двусторонней связи народа и высшей власти.

М. Катков выступил первооткрывателем темы критики отечественного нигилизма. Он вводит данное понятие, выявляет сущностные черты и вариации нигилизма.

Наряду с трудами, имеющими философский характер, перу автора принадлежат и работы узко практической направленности, написанные применительно к конкретной исторической ситуации: статьи по экономике, внешней политике и др. В некоторых своих пророчествах М. Катков ошибся, но многие его идеи опередили время и не утратили своей актуальности до сегодняшнего дня.

Вторая глава «Антропологическая проблематика в творчестве К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова» реализует основную цель исследования. Первые два параграфа посвящены антропологии К.П. Победоносцева. В первом параграфе «Трактовка природы человека К.П. Победоносцевым» мы установили: поднимая в своем творчестве проблемы государственной власти, Церкви, системы образования, К. Победоносцев задает им антропологический ракурс, рассматривает сквозь призму собственного понимания человеческой природы. В христианском ключе мыслитель утверждает безусловную ценность человека как образа Божия, критикуя дарвинистский подход, нивелирующий

личность. Сущность человека, по К. Победоносцеву, составляет духовное начало, имеющее укорененность в трансцендентном.

Природа человека, считает философ, изначально повреждена первородным грехом. Ложь общественной жизни, пороки и страсти выступают его последствием. Главный порок, имеющий исключительно inferнальную природу, – антропоцентризм, чреватый антагонизмом личности и общества и, как следствие, социальной деградацией. Гипертрофированное самолюбие предстает у мыслителя ключевым мотивом и псевдодуховной основой неоправданного социального реформаторства, зарождения и распространения массовых заблуждений. Порочность человека есть основная детерминанта преступности. Мыслитель опровергает устойчивое заблуждение, будто общественная нравственность базируется на знании. В собственных рецептах искоренения преступности он обнаруживает противоречие: с одной стороны, выступает сторонником жесткого морального императива, а при необходимости и государственного принуждения, с другой, в русле отечественной религиозной традиции, – утверждает внутреннюю духовную свободу и ответственность личности. Внутренняя духовная свобода для него – ключ к решению проблемы теодицеи: он трактует индивидуальную и социальную жизнь в духе христианского провиденциализма – как взаимодействие благой Воли Абсолюта и свободной воли индивида.

Природа человека, по К. Победоносцеву, двойственна: наряду с темными, он говорит и о светлых ее сторонах, главная из которых – органично присущая человеку, имеющая субстанциальную природу религиозная вера. Нерефлексируемое стремление индивида к воссоединению с Абсолютом является компенсацией издержек первородного греха, считает мыслитель. Подлинные объекты веры – абсолютные, составляющие основу эмпирического бытия; природа религиозной веры предстает у мыслителя как исключительно трансцендентная, ее ключевая черта – очевидность. Мыслитель демонстрирует несостоятельность веры в факт, по причине его относительности. Скрупулезный анализ фактов способен дискредитировать любой идеал, а он жизненно важен для человека. Таким образом, идеал вырабатывается исключительно нерассуждающей верой.

Человек, утративший веру, обречен на раздвоенность и душевный дискомфорт, ибо потребность в религии неискоренима, считает мыслитель. Он точно определяет источники безверия – жажда полной свободы, ведущая к абсолютизации своего «Я», аксиологическая переориентация человека: предпочтение материально-чувственных влечений духовным. Именно чувственные влечения задают импульс религиозному скептицизму, а не бескорыстная жажда поиска истины, справедливо полагает философ. Панацея от скептицизма и материализма – принятие душой властности Божественного Логоса.

Тема утраты веры соединена у К. Победоносцева с танатологической проблематикой. В христианском ключе, он верно трактует постоянную память о смерти как онтологическую основу бытия личности. Отход от христианства неизбежно приводит к утрате «памяти смертной», вследствие чего обесценивается и жизнь индивида. Иные причины бессознательного влечения к смерти – разрушение органического характера жизни, ведущее к ее обесмысливанию, ан-

тропоцентризм, разочарование и духовный надлом от несоответствия романтических представлений о жизни ее суровой правде, непомерное бремя власти.

Абсолютизируя веру человека, К. Победоносцев отрицал разумное начало, не склонен был придавать ему статус духовного проявления. Мы считаем, это одно из слабых мест его мировоззрения, творчества. Инициированная К. Победоносцевым тенденция «обличения рационализма» привела к общему снижению богословского уровня, постепенному дистанцированию Церкви от культурного процесса. Однако К. Победоносцев был прав в критике просветительской абсолютизации *ratio*, попыток свести духовность к рассудочному началу и выстроить жизнь на основе отвлеченного силлогизма. Это проявилось в стремлении интеллигенции принудительно «развивать» народ. Рассудку мыслитель противопоставил «натуральную... силу инерции» – укорененные в русскую православную ментальность традиции, верования, убеждения.

В противовес просветителям-интеллигентам, стремящимся «свести» духовность личности к рассудку, К. Победоносцев утверждал идеал целостной личности – представителя народа, духовный мир которой есть органический синтез религиозности, патриотизма, почитания родителей, в совокупности образующих «нравственную силу» индивида; единство веры и жизни; развитое волевое начало и способность к внутреннему сосредоточению, как потенциальные основы позитивной деятельности.

Противоречивость человеческой природы предстает в творчестве К. Победоносцева в контексте деления людей на лидеров и массу. К представителям массы у него отношение явно пренебрежительное: неспособны к отвлеченному мышлению, духовной свободе и ответственности, подвержены чувственным влечениям и стадному инстинкту, чревату агрессией. Полагаем, именно в этом смысле многие критиковали его за нигилистическое отношение к человеку. Что касается прирожденных лидеров, по К. Победоносцеву, их нравственный облик во многом зависит от социальной среды.

К. Победоносцев очень тонко подмечает противоречивость, трагичность человеческого бытия, проявляющиеся, с одной стороны, в извечном, неизбывном стремлении к счастью, с другой, – в принципиальной невозможности его достичь. В результате первородного греха человек искусственно безгранично расширил свою природу и на путях к счастью не в состоянии охватить бесконечность, которую сам в себе содержит. Поэтому для К. Победоносцева подлинный путь к счастью – путь внутреннего сосредоточения человека, обращение к глубинам собственного духа, а не путь во вне, за пределы своего «Я» в акте познания. Ложным путем к счастью является и стремление к чувственным наслаждениям, приобретению собственности. В целом, мы разделяем позицию мыслителя, что счастье человека обусловлено не внешними факторами, а его внутренним состоянием. Поэтому сомнительны поиски счастья и на путях научно-технического прогресса. Рассуждения философа об оборотных сторонах прогресса очень актуальны. Он пророчески предвидел массовые убийства посредством техники в ходе кровопролитных войн, за столетие до техногенных катастроф писал о потенциальной угрозе человеку сложных механизмов, говорил о

постепенном необратимом превращении человека в придаток машины, противоестественном ускорении ритма жизни, неизбежной умственной и физической деградации в результате активной технизации жизни. Мыслитель профетически констатировал, что развитие науки, техники и развитие нравственности людей оказались процессами разнонаправленными, а в этой ситуации наука и техника способны принести только зло. Скорее, в негативной оценке прогресса К. Победоносцев впадал в крайность, но он, несомненно, был прозорливее оптимистов прогресса.

Во втором параграфе «Социальное измерение личности К.П. Победоносцевым» выявлено: К. Победоносцев утверждал, прежде всего, укорененность человека в национальную традицию. Традиция выступает опорой эмпирического бытия человека, играет роль сформированного веками регулятора социальной жизни. Ценность традиции воспринимается на бессознательном уровне, а бессознательному он придавал гораздо большее значение, чем сознанию. В традициях, церковных обрядах К. Победоносцев усматривает глубокие ментальные различия разных народов.

Проблема традиции, церковного обряда связана с ключевой темой его творчества – взаимоотношения личности и Церкви. Церковь играет ключевую роль в жизни человека: отвечает на вопрос – во что и как верить; в Церкви человек обретает дух подлинного демократизма, соборности («свободное сознание полного общения»). Ценно постулируемое мыслителем онтологическое приобщение индивида к Церкви на бессознательном уровне; суть церковной жизни он верно трактует как спасение души и единение в любви с другими членами Церкви. Хотя, мы полагаем, что в идеализации церковной жизни К. Победоносцев отчасти проявляется как наследник славянофильского романтизма.

Антропологический ракурс приобретает в творчестве мыслителя проблема взаимоотношения Церкви и государства: Церковь и государство предстают в сочинениях автора двуединой целостностью, подобно тому, как человек есть единство души и тела. В социальной и индивидуальной жизни человека функции Церкви и государства переплетены; в тесном взаимовлиянии проходило их историческое развитие, поэтому механическое отделение индивида от церковного организма неизбежно ведет к распаду иных социальных связей, справедливо считает мыслитель. Без Церкви могущество государства мнимо, ибо лишенное духовной основы, оно теряет авторитет в глазах личности. Поэтому распространение безверия есть прямое отрицание государства – это суждение автора весьма ценно и актуально.

Человек в системе государственной власти – еще одна важная тема мыслителя. На наш взгляд, он склонен абсолютизировать роль власти в жизни индивида. Так, субстанциальная потребность человека во власти, «искание» ее выступает у К. Победоносцева квинтэссенцией общественного инстинкта. Мыслитель – сторонник евангельской максимы, что всякая власть от Бога. Авторитет власти обусловлен исполнением ею главной функции – отделение правды от неправды. Выбор между добром и злом – нравственная обязанность каждой личности, и государству мыслитель отводит роль «верховного судьи», к кото-

рому апеллирует человек в ходе этой духовной борьбы. Рассматривая власть как тяжкое бремя, служение, философ справедливо развенчивает иллюзию легкости и доступности власти. К. Победоносцев выстраивает весьма ценный идеал личности – носителя власти. Это человек цельный, исходящий в мыслях и поступках из идеи правды, а не мнения окружающих, сознающий достоинство власти; ему присущи «вера в себя, сознание долга, нравственная ответственность», трезвое отношение к людям и к жизни. Искажение природы власти происходит, если ее носитель движим не идеей блага, а страстью: наживы или гипертрофированного самолюбия. К. Победоносцев высказывает достаточно радикальную мысль, что сама система парламентаризма и народоправства выдвигает во власть личностей исключительно порочных. Впрочем, мы разделяем его убеждение, имеющее четкий антропологический ракурс, что не форма правления определяет качество жизни государства, а духовный облик гражданина этого государства: всякий народ заслуживает свою власть.

В контексте размышлений о государстве звучит тема «человек в системе права». Подлинное право, считает мыслитель, зиждется на религиозных основаниях, его назначение – привить человеку умение отличать правду от неправды, будить в личности совесть, а не устрашать карой за неисполнение закона. Мыслитель справедливо развенчивает ложный путь утверждения формального права, как средства исключительно внешней регламентации жизни; при этом декларация утверждения гражданской свободы личности на деле оборачивается большим ее закабалением. В русле консерватизма, он утверждал традицию, обычай как фундамент правовой системы.

Личность в системе образования – еще одна важная тема философа. Мы считаем, что в раскрытии этой проблемы религиозно-этический идеализм К. Победоносцева причудливо сочетается с прагматизмом. Главное назначение системы воспитания он видит в том, чтобы с детства укреплять в человеке религиозное чувство, на котором зиждется нравственное начало. В утверждении органического развития целостной личности, в контексте преемственной культурной связи; приоритета нравственного воспитания перед обучением К. Победоносцев предстает как преемник славянофилов. Но в отличие от московских любомудров, делавших акцент на фундаментальном образовании, К. Победоносцев исходит, прежде всего, из практической направленности образования, воспитания. В данном аспекте проявляется его узкий прагматизм. Отмеченные нами крайности, противоречия мирозерцания мыслителя суть отражение крайностей и противоречий русской мысли в целом.

В третьем параграфе «Антропологические воззрения М.Н. Каткова: размышления о свободе, построение философских портретов» установлено: по сравнению с К. Победоносцевым, поднимавшим глубинные антропологические проблемы, М. Катков демонстрирует более «приземленную», праксеологическую антропологию. Его отношение к личности заметно менялось в процессе творческой эволюции: от либерального антропоцентризма в 40-е гг. к консервативному этатизму, утверждению ценности личности в контексте ее государственного служения в 60-е гг.

Мы полагаем, в антропологии М. Каткова центральное место занимает тема свободы; в ее трактовке он обнаруживает те же противоречия, что и К. Победоносцев: с одной стороны, свобода достигается внутренней духовной работой личности, с другой, – обеспечивается внешним воздействием государства. Второму пути обретения свободы М. Катков явно отдает предпочтение. По его убеждению, гарантом личной и общественной свободы выступает авторитарная самодержавная власть, ибо только она способна пресечь безответственное своеволие отдельных общественных групп и, как следствие, – насилие данных групп над другими людьми. На наш взгляд, автор склонен принижать свободу и независимость человека, если речь идет о его государственном служении – в данном контексте он проповедует мудрое водительство власти своими подданными для их блага, добровольное пожертвование людьми частью своей воли; свободу и право он напрямую соединяет с долгом и обязанностью. Своеобразной компенсацией выступает абсолютизация им свободы в личной жизни индивида и, в частности, в творчестве. Духовными основами научного творчества он утверждает свободу и разум. В апологии разума он радикально отличается от иррационалиста, антисциентиста К. Победоносцева. Так, в цикле педагогических работ М. Катков видит задачу средней школы, прежде всего, – в формировании умственно развитой личности, «готовой для науки и серьезной умственной деятельности». В совершенствовании ума он справедливо делал ставку не на эрудированность, а на развитие способности самостоятельно творчески мыслить, овладение методикой познания. Специализацию образования он трактовал как основное средство «концентрации» ума, и в этом ссылался на передовой европейский педагогический опыт, что ставит его несколько особняком в ряду консервативных авторов данного периода. Прямой же задачей университетского образования он считал подготовку личности, способной к свободному научному поиску.

Скорее, как рационалист, он проявился и в подходе к художественному творчеству, отдавая, в отличие от К. Победоносцева, явный приоритет разумному началу над бессознательным, рассматривая поэтическое вдохновение художника как «усиленное состояние сознания». Поэтическое творчество автор отличал от научного предметом познания (поэта занимает все относящееся к области человеческого духа), но у искусства и науки, по М. Каткову, гораздо больше сходных черт: служение истине, общая техника постижения жизни. Подобно тому, как ученый вырабатывает универсальные понятия, категории, кристаллизуя существенные признаки явлений и абстрагируясь от несущественных, так и художник формирует максимально приближенные к действительности обобщенные типические образы, находя их сущностные черты и освобождая от несущественных наслоений. Мы полагаем, рационализовав данную технику и вербально выразив ее, М. Катков сам использовал ее в создании ярких типических образов на основе анализа реальных политических деятелей или литературных персонажей (именно в данном контексте мы утверждали тезис о праксеологичности его антропологии). Его собирательные философские портреты контрастны: истинные выразители того или иного направления про-

тивопоставляются ложным, а критерий разграничения истинного и ложного – наличие либо отсутствие убеждений. М. Катков пророчески акцентирует внимание на феномене человека играющего, приходящего на смену человеку живущему реальной жизнью, в результате утраты убеждений и отрешения от онтологических основ бытия.

Автор вырабатывает весьма интересный собирательный образ истинного консерватора. Он служит не «отживающим формам», а коренным началам, ради сохранения и укрепления которых приветствует реформы, прогресс. Его визави – лже-консерватор, напротив, равнодушен к коренным духовным началам (как и к судьбе России) и «держится господствующих форм». Этот «вечный» тип политического приспособленца, предлагающего охранительные услуги той власти, на чьей стороне в данный момент сила, и в наше время распространен.

Автор верно утверждает, что для истинного либерала, как человека убежденного, цель жизни – служение свободе, законности и порядку. Обязательна твердость его позиции (как видим, в отличие от некоторых единомышленников, М. Катков не отрицал либерализм как таковой, в том числе, и на российской почве). Лже-либерал, справедливо считает М. Катков, фетишизирует свободу, но трактует ее исключительно отрицательно, игнорируя такой существенный атрибут, как ответственность. В итоге либерализм трансформируется в малодушное заигрывание с силами деструктивными и откровенно преступными.

Наиболее контрастная дихотомическая пара у М. Каткова – идеализируемый им представитель народа и, напротив, описываемый в черных тонах прозападный интеллигент. Русский народ, по М. Каткову, духовно превосходит иные народы, русский человек наделен им лучшими качествами: отвагой, стойкостью, простотой и естественностью, надежностью. Но наиболее в русском человеке автор ценил патриотизм, который отождествлял с верноподданническими чувствами, имеющими инстинктивную природу. Мы считаем, якобы неискоренимая преданность русского человека царю преувеличена М. Катковым.

Прозападный интеллигент предстает у автора как фигура беспочвенная, его служение пустой абстракции – Европе – в глазах М. Каткова выглядит формой варварства. Стремясь во власть, интеллигент обнаруживает, в лучшем случае, политическое легкомыслие, в худшем, – приносит явный вред по причине иррациональной ненависти ко всему русскому. На наш взгляд, собирательный образ интеллигента-руссофоба, прописанный М. Катковым, актуален по сей день.

Центральное место в галерее типических образов М. Каткова занимает многогранный портрет русского революционера-нигилиста. М. Катков верно вскрывает источники нигилизма: происходящая под знаком лже-либерализма деградация власти, малодушие интеллигенции, «лоском прикрытое ничтожество и невежество», отчасти, – бездумное копирование модных западных идей. Кредо нигилиста – отрицание, возведенное в принцип, догму. Этот образ характерен для любой эпохи, справедливо считает автор, но особенно он активизируется во времена духовного упадка, при разрушении органической связи между людьми. М. Катков верно раскрывает философию нигилиста: крайний гедонизм, стремление к естественно-природному существованию, отсюда – духов-

но-нравственный релятивизм. Единственным средством достижения обозначенного идеала нигилист видит разрушение сдерживающего фактора – сформированных в процессе истории культурных норм, социальных организмов.

Нигилизм вариативен – различны и его антропологические характеристики. Анализируя взгляды М. Бакунина, М. Катков создает яркий собирательный образ главного идеолога нигилизма. Полагаем, автор несколько демонизирует данную фигуру, приписывая ей исключительно негативные личностные черты. Это ярый антипатриот, человек твердой воли в стремлении разрушить Российское государство. Несмотря на лидерские претензии, по М. Каткову, это фигура зависимая, слепое орудие «врагов России». Демонстрируя динамику развития нигилизма в России, автор создает рельефные собирательные образы: нигилиста «первых времен» (гедонист, но гедонизм его эстетически приукрашен; выразитель нравственного релятивизма, но не без угрызений совести и внутренней борьбы) и представителя завершающего этапа нигилизма. Последний – крайний циник, при этом, откровенный в своем цинизме – человек без убеждений, чести, готовый на любую подлость, для которого разрушение выступает и главной целью, и средством.

Подобно К. Победоносцеву деля людей на прирожденных лидеров и массу, М. Катков в каждой группе находит ценные, на наш взгляд, специфические антропологические особенности нигилизма. Нигилист массы – либо слишком поддающийся влияниям извне молодой подражатель, либо классический обыватель, в котором нигилизм обретает черты пошлости и ничтожества. Нигилиста-лидера отличают: отсутствие сомнений и чрезмерная активность в деле разрушения, непомерный антропоцентризм. Возможные положительные черты: аскетизм, простота, честность, – с точки зрения автора, фальшивы, являются оборотной стороной его эгоизма. Единственное искреннее чувство, движущее нигилистом-лидером, – крайнее озлобление.

Значительный вклад М. Каткова в том, что, рассмотрев нигилизм как потенциальную основу социальной деградации, он указал на антропологическую природу данного явления: духовное измельчание, увлечение чуждыми неорганическими идеями, деонтологизация бытия (оторванность индивида от реального жизненного процесса). Пророческое утверждение автора о «вечности» данного явления, его перманентных вспышках в социальной жизни ярко подтвердилось в российской истории XX века: как в революционных событиях начала столетия, так и в 90-е годы (тенденции ниспровержения социального и духовного опыта прошлого). И в наши дни проповедуемый сформированным на волне неоллиберализма «Новым планетарным гуманизмом» полный отказ от традиционных ценностей – ни что иное, как модификация нигилизма. Актуален предложенный автором рецепт преодоления нигилизма – «усиление всех положительных интересов жизни», что с необходимостью лишает нигилиста духовной почвы.

В **Заключении** подведены основные итоги работы, обобщены типологические особенности (черты сходства и различия) антропологических воззрений К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова.

III. Публикации по теме диссертационного исследования

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Шахназаров, В.Г. Специфика отечественного охранительного консерватизма 2-й половины XIX века (на примере анализа мировоззрения и деятельности К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова) / В.Г. Шахназаров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». – № 4. – 2009. Вып. серии № 17. – М.: Изд-во МГОУ. – 0,5 п.л.

Статьи в сборниках научных трудов

2. Шахназаров, В.Г. К вопросу о свободе личности как значимой антропологической проблеме / О.В. Париков, В.Г. Шахназаров // О достоинстве, свободе и правах человека: XVIII Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: НГПУ, 2009. – 0,4 п.л.

3. Шахназаров, В.Г. К.П. Победоносцев о «болезнях нашего времени», власти, свободе и смерти / В.Г. Шахназаров // О достоинстве, свободе и правах человека: XVIII Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: НГПУ, 2009. – 0,7 п.л.

4. Шахназаров, В.Г. Проблемы взаимоотношения личности и государственной власти в русской охранительно-консервативной мысли второй половины XIX века / О.В. Париков, В.Г. Шахназаров // Актуальные проблемы философии права и государства: сборник статей участников научного семинара / Под ред. С.П. Гришнина. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2009. – 0,4 п.л.

Подписано в печать: 05 10 09 Печать оперативная.
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 124

Нижегородский государственный педагогический университет
Полиграфический участок АНО «МУК НГПУ»
603950, Нижний Новгород, Ульянова, 1

